

«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор ФГБОУ ВО «Смоленский
государственный университет» (СмоЛГУ),

канд. ист. наук, доцент

М.Н. Артеменков

«14» января 2025 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Смоленский государственный университет» – на диссертацию протоиерея Петра Гурьянова «Антирелигиозное наступление на Церковь в Мелекесской епархии в контексте религиозной политики большевизма 30-х гг. XX века», представленную на соискание ученой степени кандидата богословия по специальности История Русской Церкви.

Более трех десятилетий новейшая история Русской Православной Церкви и особенно наиболее драматичный ее этап – послереволюционное двадцатилетие, когда Церковь, ее служители и активные миряне подверглись репрессиям и преследованиям по факту своей принадлежности к дореволюционному духовному сословию, и определенные постреволуционной социальной политикой в ряды «бывших» и «лишенцев» (категории пораженные в гражданских правах, а также ставшие в рамках правоприменительной практики советских судебно-следственных органов группой, подпадающей под концентрические репрессии) – является активно изучаемым проблемным полем. Частные и обобщающие, региональные и проведенные на материалах макрорегионов и всей страны – сотни исследовательских работ подготовлены за прошедшее время. При этом масштабы страны, административные преобразования и практики выделения

и управления диоцезов РПЦ и сегодня оставляют основу для оригинальных исследований. К числу таковых относится и исследование Мелекесской епархии, ставшей на время после фактического упразднения «Ульяновской» кафедры самостоятельной (с.64-67).

Отсутствие специального исторического исследования по избранной проблематике на материалах Мелекесской епархии подчеркивает новизну диссертационной работы и усиливает ее актуальность.

Структурно диссертация включает три главы, разделенные на параграфы и под-параграфы, заключения, списка источников и литературы.

Во *Введении* диссертации автор обосновывает актуальность, объект, предмет, цель, задачи, хронологические и территориальные рамки исследования. Анализ исторической литературы по теме исследования показывает хорошую осведомленность соискателя в степени изученности темы. Во *Введении* также характеризуются источники и методология настоящего исследования и другие необходимые компоненты этого раздела кандидатских диссертаций. Источниковая база вполне позволяет диссертанту исследовать обозначенную проблему. В числе положительных моментов также следует отметить введение в научный оборот новых (и ныне труднодоступных) исторических источников (материалов следственных дел УФСБ по Ульяновской области); изложено 7 положений, выносимых на защиту; а также новизна и практическая значимость исследования.

В первой главе диссертации – «Антирелигиозная политика большевизма в Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство) 1930-х годов» – протоиерей Петр исследует идейные основы вероисповедной / антирелигиозной политики правительства, сформированного после 1917 г. большевиками, которую автор исследования предпочитает вне историографической традиции определить как «религиозную политику».

Диссертант останавливается на довольно подробном обзоре суждений, сформулированных в программных документах партии РСДРП (почему-то описываемых как большевики...); предлагает промежуточные (с.36) и

суммирующие выводы, позволяющие проследить становление секулярных и антирелигиозных установок партии в России и ее идейных предтеч в классическом марксизме. Подробно рассматривается становление правового режима вероисповедной политики, раскрывается ее причинность – в «замене ценностей у граждан» (с.51); ценно, что формирование антицерковного курса рассмотрено во взаимосвязи с самоопределением церковно-административных структур в условиях становления новой власти после октябрьского переворота 1917 г. (с.53-57). Положение в стране дополняется пространными экскурсами в историю Ульяновской кафедры и Мелекесского викариатства (с.63-69), рассматриваемых как жизнь епархии в новых условиях. Много крупных исторических сюжетов находят отражение в реконструкции этой «новой реальности»: общесоциальные процессы рассматриваются как исторический фон и основа для репрессий: «борьба большевиков за коллективизацию сопровождалась преследованием духовенства и верующих» (с.83).

Одним из ценных и интересных разделов диссертации является пункт об антирелигиозной пропаганде (п.1.3, с.87-113): восприятие исторического Симбирска как «родины Ленина» стало важным обстоятельством, определяющим жесткость и специфику антирелигиозных практик в регионе на уровне партийно-советских органов и таких структур, как Союз воинствующих безбожников.

Вторая глава – «Общий ход и особенности репрессий в отношении православного духовенства и мирян в Мелекесской епархии в 1930-е годы» – посвящена рассмотрению «судебных дел» в отношении православного духовенства и мирян Ульяновской (Мелекесской епархии) в течение 1930-х гг. Автор, предложив довольно дробное деление таких дел по годам и, вероятно, основаниям, определяет таковые как «общий контекст сталинских репрессий 1930-х гг.» (п.2.1); «в связи с религиозной политикой большевиков (п.2.2) и «иные, внерелигиозные, мотивы властей» (п.2.3). В таком подходе сомнение вызывает сама используемая и не распространенная в

историографии терминология: «религиозные мотивы» в деятельности советской репрессивной системы вообще трудно их себе представить. Интуитивно понятно, что вводя новое определение, автор повествует о репрессии по мотиву религиозной принадлежности, но в работе четкого понимания этого нет. Также сожаление вызывает тот факт, что вне историографической традиции и фактологии, автор всю совокупность преследований православных и мер репрессий определяет для себя как «судебные дела», тогда как большинство дел изучаемого им периода, 1930-х гг., рассматривались во внесудебном порядке, специальными органами – «тройками» (!).

Содержание же главы ценное, его значимость определяется, прежде всего, изучением большого комплекса (по списку источников – 40, с.219-221) архивно-следственных дел в отношении православных Мелекесского викариатства. В главе автор органично рассматривает 1929-й г. в качестве переходного к новому этапу репрессий (с.115) и показывает связь следственного «наступления» на духовенство на рубеже 1930-х гг. с коллективизацией деревни. Удивляет, что в рамках рассмотрения «пика репрессий» (п.2.1.3) автор вообще не использует понятие «большого террора» (с.129-131). Рассмотрев совокупность дел, «связанных с религиозной политикой духовенства и мирян» (п.2.2), он выделяет ряд типичных и особенных процессов преследования православных, от отдельных священников и групп православных, до осуждения и расстрела епископа Владимира (Горьковского) (с.160); предпринимает попытки сюжетно-тематической группировки отдельных дел (всего 6 из изученной совокупности... с.170-173).

Спорным и не имеющим историографического обоснования выглядит выделение раздела «судебных дел по внерелигиозным мотивам» (п.2.3): в него попали обвиненные в сопротивлении коллективизации, неосторожно высказавшиеся и даже однокашник Ленина, помнивший и говоривший о нем как о «Вовке» (с.183). То, что обвинения в их отношении были связаны

именно с их священством (!) а обвинялись они по составам печально известной ст.58 УК РСФСР оппонируют такой группировке дел автором.

В третьей главе – «Завершение репрессий в Ульяновской епархии» в общем историографическом контексте и крайне лапидарно обзореваются причины и обстоятельства «завершения репрессий» в конце 1930-х гг.». Глава содержательно пересекается с выводами и ее выделение в таком виде представляется спорным, хотя она и содержит значимые историографические реминисценции, но даже общую статистику репрессий в изучаемой епархии автор приводит по данным регионального мартиролога начала 2000-х гг. (с.199).

В *Заключении* диссертации автор суммирует, во многом содержательно повторяя себя, выводы по итогам исследования.

Положительно оценивая работу в целом, ее локально-исторический фокус, обширное привлечение источников и предпринятую автором попытку поместить проблематику в идейно-теоретический контекст, необходимо сделать несколько замечаний, помимо высказанных в общем обзоре глав.

1. Вызывает настороженность непроработанность и противоречия терминологии исследования: ныне нигде в рассмотрении реалий советской гражданской и тем более конфессиональной истории не применяется понятие «религиозная политика» (она именуется вероисповедной / антирелигиозной). Наконец, эта политика была атрибутом не большевизма – не партийных идеологов, а государственного аппарата и его представителей – «религиозной политики большевизма», вошедшей даже в заглавие работы, по сути не было – имела место «конфессиональная политика советского правительства». В той же конкретизации, четких смысловых дефинициях нуждается и вольно трактуемое автором понятие «судебные дела» (с.143-146) - в большей части своей работы, по факту ее хронологии, автор рассматривает как раз дела внесудебные (и понятийное поле их хорошо разработано как историками органов ОГПУ – НКВД – О.Б. Мозохин, так и в отношении дел духовенства – см. работы архим. Дамаскина (Орловского) и Е.Ю. Нуйкиной). Драма

репрессий духовенства заключалась, в том числе и в том, что в судебном рассмотрении им было отказано.

2. В разделе «методология» автор свидетельствует о «герменевтическом анализе текста» (с.17) (к каким текстам, каким видам и типам анализируемых источников он применен остается неясно).

3. Нарушена логика структуры работы: наблюдается явная сюжетно-тематическая и содержательная диспропорция: первая глава содержит 5 элементов и занимает почти 100 страниц, тогда как третья бесструктурна и составляет 18 страниц, смыкаясь содержательно с последующим заключением. Но главная структурная неожиданность – это внутренняя рубрикация второй главы, посвященной содержанию репрессий 1930-х гг.: и если с наличием трех параграфов, соотносимых с направлениями репрессий можно условно согласиться, то необходимость дробления п.2.1 на не имеющие историографического и логического обоснования разделы – нет. Раздел явно маркирует несогласованность с историографической традицией, всем опытом изучения репрессий 1930-х гг. на национальном уровне и в отношении православных. Так, период большого террора рассматривается без использования этого понятия и отражения логики его реализации (с.137-138). Вопросы тематической рубрикации следственных дел, сути и природы репрессий давно решены в историографии и логично было бы рассмотреть реалии Мелекесской епархии в их контексте.

4. В тексте исследования находят отражение значимые в истории православия антицерковные кампании и акции, такие как антиколокольная (с.79-82); репрессии священства на фоне народного сопротивления коллективизации (с. 83). Эти крупные темы находят отражение в разделах (пп.1.2-1.3) не отражающих данное содержание. Тогда как серия тематических антицерковных кампаний и составляет суть антицерковной практики властей изучаемого периода.

5. Вызывают сомнение и отдельные теоретико-гипотетические суждения автора. Так, он постулирует, что «в контрреволюции можно выделить сильную и слабую сторону» (с.135). Они содержатся и в ряде основных положений, в частности, в п.5 упоминаются никак не трактуемые «внерелигиозные «возможности» советского законодательства (с.21).

6. Некорректно оформлен список источников и литературы: в раздел «монографии» попали работы энциклопедического плана (п.101) и комментированные синхронные публикации источников (п.107, с.227), а также издания В.Ленина, К.Маркса и С.Мельгунова (с.228); ряд изданий списка не задействован в тексте работы.

Недостатки, указанные выше, не отменяют достоинств и очевидной актуальности диссертации. Материалы исследования могут быть использованы при подготовке общих и специальных курсов по истории региона и России. Общее содержание работы адекватно изложено в автореферате. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в 2 публикациях, подготовленных автором и находящихся в печати.

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод, что диссертационное исследование протоиерея Петра Гурьянова «Антирелигиозное наступление на Церковь в Мелекесской епархии в контексте религиозной политики большевизма 30-х гг. XX века» является самостоятельным, завершённым научно-квалификационным исследованием, выполненным на актуальную тему, полностью отвечающей требованиям пунктов 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изменениями, внесенными постановлением Правительства Российской Федерации от 25 января 2024 г. №61) и п. 21-27 Положения о кандидатских диссертационных советах Русской Православной Церкви, утвержденного Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кирилом 13 марта 2015 г., её автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата богословия по специальности «История Русской Церкви».

Отзыв ведущей организации на диссертацию протоиерея Петра Гурьянова «Антирелигиозное наступление на Церковь в Мелекесской епархии в контексте религиозной политики большевизма 30-х гг. XX века» подготовил кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедры истории России М.В. Каиль.

Отзыв на диссертационную работу протоиерея Петра Гурьянова на тему: «Антирелигиозное наступление на Церковь в Мелекесской епархии в контексте религиозной политики большевизма 30-х гг. XX века», представленную на соискание учёной степени кандидата богословия по специальности история Русской Церкви, обсужден и одобрен на заседании кафедры истории России федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Смоленский государственный университет» (СмоЛГУ).

«14» января 2025 г. протокол № 6

Заведующий кафедрой истории России
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения
высшего образования
«Смоленский государственный университет»
кандидат исторических наук, доцент

Подпись Каиль М.В.
удостоверяю. Нач. отдела кадров СмоЛГУ

Сведения о ведущей организации:

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

Адрес: 214000, Россия, Центральный федеральный округ, г. Смоленск,
ул. Пржевальского, 4.

Телефон/факс: +7 (4812) 700-201, 38-31-57

Email: rectorat@smolgu.ru